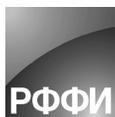

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318
Э 71

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект 18-112-00026, не подлежит продаже

Э 71 Эпистолярное наследие С. В. Смоленского. Переписка с С. А. Рачинским. 1883–1902 / Сост., вступит. ст., коммент. Н. И. Кабановой, М. П. Рахмановой; науч. консультант А. А. Наумов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 848 с., ил. — (Вклейка после с. 384.) — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 978-5-907117-06-8

Тексты этой книги представляют читателю обширный эпистолярный диалог двух замечательных деятелей эпохи конца XIX — начала XX столетия: Сергея Александровича Рачинского и Степана Васильевича Смоленского. Если деятельность С. В. Смоленского — крупнейшего ученого-музыковеда, директора Синодального училища церковного пения и Придворной певческой капеллы — достаточно подробно освещена в ряде публикаций последних лет (преимущественно в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах»), то деятельность С. А. Рачинского, ученого-биолога, выдающегося педагога, создателя целой сети народных школ, до сих пор не пользуется заслуженной известностью. Необходимо переиздание его наследия и в первую очередь его интереснейшей и грандиозной по масштабам переписки.

Список имен корреспондентов Рачинского, писавших со всех концов России по разнообразным общественным, педагогическим и частным вопросам, весьма впечатляющ: от министров и других влиятельных государственных лиц до простых крестьян. Всю эту корреспонденцию Рачинский тщательно сохранял, называя ее своим «обозом к потомству». Столь же трепетно хранил послания Рачинского и Смоленский.

В публикуемой переписке затрагивается очень широкий круг проблем. В первую очередь это, естественно, вопросы русского церковного пения, его истории, его нынешнего состояния, его дальнейших путей, методов обучения пению как в крестьянской школе, так и в столь высокопрофессиональном учебном заведении, как Синодальное училище. Много внимания уделяют корреспонденты собственно педагогической практике в разных ее аспектах. Но все же, вероятно, главное в этих письмах — сама жизнь России той эпохи во всем богатстве ее проявлений.

Кроме того, тексты Рачинского и Смоленского великолепны в литературном смысле и, употребляя слова В. В. Розанова о письмах Рачинского, являют собой уже ушедший тогда в прошлое классический стиль русской литературы, полный «вкуса, изящества и глубины».

ISBN 978-5-907117-06-8

9 785907 117068 >

УДК 78.03(470-571)
БК 85.318

© Н. И. Кабанова, М. П. Рахманова,
сост., вступит. ст., коммент., 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Содержание

<i>Надежда Кабанова, Марина Рахманова. Вступительная статья.</i>	7
Письма С. В. Смоленского и С. А. Рачинского (1883—1902)	27

Приложения

Вступление	761
Письма С. А. Рачинского к Н. И. Ильминскому	764
<i>Сергей Рачинский. Чтение Псалтири в начальной школе</i>	780
<i>Сергей Рачинский. Музыкальная заметка</i>	787
<i>Сергей Рачинский. Повесть «Трио»</i>	791
<i>Марина Рахманова. Соловецкое собрание: история с продолжением</i>	816
Именной указатель	825

Надежда Кабанова
Марина Рахманова

Вступительная статья

Перед нами тексты письменного диалога двух деятелей сложной эпохи конца XIX — начала XX столетия: Степана Васильевича Смоленского (1848–1909) и Сергея Александровича Рачинского (1833–1902). Имена их в значительной мере возвращены в обиход исторической памяти рядом публикаций двух последних десятилетий.

Материалы Степана Васильевича Смоленского — Воспоминания (в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах»». Т. IV), «Афонский дневник» (Там же. Т. VII), его переписка с С. Д. Шереметевым, К. П. Победоносцевым, Д. В. Разумовским, С. И. Танеевым и другими современниками (Там же. Т. VI) — прояснили значение и объем деятельности ученого в области церковно-певческого искусства в целом, в изучении древнерусских роспевов и певческой палеографии. Бесспорны огромные достижения Смоленского в сферах хорового и регентского образования, исполнительства и просвещения — в качестве директора знаменитого Синодального училища церковного пения и Синодального хора в Москве, затем управляющего Придворной певческой капеллой и учредителя Регентского училища в Петербурге, председателя отдела разыскания певческих рукописей в Обществе любителей древней письменности. Ныне Смоленский признается авторитетнейшим идеологом Нового направления в русской духовной музыке, сумевшим вдохновить многочисленных авторов новых духовных композиций, в числе которых А. Т. Гречанинов, А. Д. Кастальский, П. Г. и А. Г. Чесноковы, С. В. Рахманинов, М. М. Ипполитов-Иванов, Вик. С. Калинин, К. Н. Шведов и многие, многие другие ученики и современники Смоленского.

Что касается Сергея Александровича Рачинского, то его личность вызывает сегодня особый интерес в первую очередь у историков русской педагогической мысли. Потомок дворянских ветвей Рачинских, Потемкиных и Боратынских (родной племянник поэта), унаследовавший многие таланты своих предков, в молодости, в 1850–1860-е годы, Сергей Рачинский был яркой фигурой московских литературно-музыкальных салонов. Он пробовал себя в прозаических

и поэтических жанрах, в философии, музыке и живописи, дружил с Л. Н. Толстым, И. С. Аксаковым, П. И. Чайковским. Образование, полученное в Москве и Германии, серьезные занятия наукой привели Рачинского к защите диссертации и профессуре на основанной им кафедре физиологии растений в Московском университете. Но в 1866 году конфликт в университетской среде, с известным выходом из университетской корпорации нескольких одаренных молодых ученых, заставил и его решительно покинуть кафедру, а через несколько лет оставить Москву, затворившись в затерявшемся в лесах среднерусской полосы имении Татево Смоленской губернии (в 60 верстах от Ржева). Здесь, стремясь к полезной деятельности, Рачинский обратился к учительству в крестьянской школе, основанной в прошлом его отцом, и посвятил последние тридцать лет своей жизни этому делу со всей основательностью, которой требовала представшая перед ним «нераспаханная полоса» народной жизни.

Выполняя обязанности инспектора народных училищ и школ в Бельском уезде, он открывает на свои средства целый ряд крестьянских церковно-приходских школ (в целом около 30), готовя в Татеве учителей из самих крестьян и привлекая к учительству собственных родственников, основывает ряд больниц для народа и неофициально возглавляет оказавшийся необычайно востребованным труд по созданию и широкому распространению в своей и соседних губерниях обществ трезвости.

Все это имело в основе высокую гражданскую позицию, которую разделяли «культурно образованные люди, одушевленные мыслью о необходимости народного самосознания», выступившие «против самодовольного невежества и равнодушия ко всему, что касалось до самых живых интересов России». И если продолжить цитату из речи обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, то все в ней можно отнести как к Рачинскому, так и к Смоленскому:

Это были люди, искавшие в прошедшем своей родины идеала для устройства будущих судеб ее, и они первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь русской народности с верой и с Православной Церковью¹.

Смоленский, восхищавшийся «серьезным, горячим и тонко чувствующим» Рачинским, передает его слова:

Нельзя не верить во многие самые чистые, самые неустойчивые народные добрые силы, говорил он; силы эти в народе скрыты, они огромны, здоровы и только поганятся недостойной частью тонкой пленки, покрывающей народ².

Позиция Рачинского была поддержана в правящих кругах сначала упомянутым обер-прокурором Св. Синода, затем императором Александром III, а также

¹ Цит. по: *Смоленский С. В.* Воспоминания // Русская духовная музыка в документах и материалах (далее — РДМ). Т. IV. М., 2002. С. 9.

² *Смоленский С. В.* Памяти С. А. Рачинского // РДМ. Т. IV. С. 592.

и Николаем II, отметившим, в частности, труды татевского бессребреника в 1899 году особым рескриптом.

Неординарная деятельность человека из высших светских кругов, конечно, вызывала не только удивление, но и смущение. По поводу этого В. В. Розанов, состоявший в длительной переписке с Рачинским, заметил:

Труд же Ваш не забудется; не знаю, чувствуете ли Вы: при обсуждении массы вопросов, вовсе не о школе только, но и социальных, в возникающих спорах молча принимается во внимание Ваша деятельность, ну, например, при вопросе о поместном дворянстве; о противоположности будто бы дворянских и крестьянских интересов; о противоречии науки и религии и проч. Я так чувствовал часто и видел, что тот или иной из спорящих потому только не высказывает такого-то предположения, не выставляет такого-то тезиса, что замешалось в море нашей действительности Татеево. Факт всегда обильнее содержанием, чем слово. Я Вам давно об этом молчаливом принятии во внимание хотел написать (26 июля 1895)³.

Фундаментальное изучение мыслей и идей Рачинского, его личности в целом — еще впереди. Необходимо переиздание в полном объеме его публицистического и педагогического наследия, издание не публиковавшихся ранее художественно-литературных и философских сочинений, документов из архивных собраний, а также, и в первую очередь, грандиозной переписки, до сих пор почти незатронутой исследовательскими усилиями. Список имен его многочисленных корреспондентов, писавших со всех концов России по разнообразным общественным, педагогическим и частным вопросам, весьма впечатляющ. Упомянем хотя бы некоторые из нуждающихся в издании документов: многолетняя переписка с К. П. Победоносцевым, единомышленником и другом Рачинского с 1860-х годов, периода их службы в Московском университете; переписка с целым рядом крупных политиков — С. Д. Шереметевым, Т. И. Филипповым, В. К. Саблером, И. Д. Деляновым и др.; переписка с лицами из литературно-художественных сфер — Л. Н. Толстым, В. Н. Лясковским, И. С. Аксаковым, Н. П. Богдановым-Бельским, П. И. Чайковским, С. В. Смоленским; переписка с духовными лицами, среди которых ныне прославленный в лике святых архиепископ Николай Японский, приславший в Татеево японских студентов на стажировку, а также с воспитанниками Татеевской школы, в частности А. П. Васильевым — духовником императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Лишь однажды возможность читать письма Рачинского «целым корпусом» была предоставлена одним из его современников, а именно упомянутым Василием Васильевичем Розановым, который издал в «Русском вестнике» в 1902–1903 годах, сразу по кончине Рачинского, адресованные ему письма, включив их затем в книгу «Литературные изгнанники» — собрание своих диалогов в письмах с К. Н. Леонтьевым, П. А. Флоренским, Н. Н. Страховым и другими самобытными мыслителями эпохи. При этом «портрет Рачинского в полный рост» был назван Розановым

³ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. М.; СПб., 2010. С. 514.

«одним из самых красивых за весь XIX век». Частично была издана переписка Рачинского с Л. Н. Толстым (в 1916 и 1928 годах)⁴. И уже в наши дни переписка Рачинского фрагментарно представлена в книгах И. В. Ушаковой «Из доброго сокровища сердца своего» (М., 2013) и «Народная школа Рачинского» (2016).

Сергей Александрович предвидел историческое значение постепенно копившейся в Татеве эпистолярной и, при крайней и повседневной занятости школьными делами, успевал сам распределять корреспонденцию по тематике, по годам, месяцам и датам, привлекая отчасти в помощь учеников, сшивал письма в книги единого формата с прочным кожаным переплетом. Известно его замечание:

Тщательно храню эту переписку. Она ныне составляет около сотни переплетенных томов. Будут приняты меры, чтобы этот «обоз к потомству» (по затаенному выражению покойного Н. В. Сушкова) дошел по назначению, то есть стал доступным Бартевым и Семевским [то есть историографам] XX века. Любители архаических скандалов не найдут в нем пищи для своей любознательности. Но спокойный бытописатель отыщет в нем много страниц и светлых, и скорбных, проливающих свет неожиданный и отрадный на многогрешный конец нашего XIX века⁵.

Тома этих писем держал в руках и Степан Васильевич Смоленский во время посещений Татева:

Я не раз читал многие письма к нему от множества людей, приобщавшихся чистой его душе и исцелявшихся духовно этим общением. В этом «обозе к потомству», то есть в сотне с лишним томов его переписки, находятся письма и учителя, и министра, и светской барыни, и монаха, и алкоголика, и художника, сироты и богача, озлобленного и восторженного, верующего и неверующего, жадного хитреца и бессребреника-идеалиста... «И ни одно из этих писем, — говорил он мне неоднократно, — не оставлено мною без посильного моего ответа; как искренно пишут мне, так искренно и любовно, большею частью экспромтом, я отвечаю каждому»⁶.

В результате татевское эпистолярное собрание составило более 130 томов (по 80–100 писем в каждом) и было передано самим владельцем в Рукописный отдел Публичной (ныне Российской национальной) библиотеки в Петербурге. Среди тысяч единиц 300 писем принадлежат Смоленскому. Ответные письма

⁴ Письма Л. Н. Толстого к С. А. Рачинскому // Русские пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / Сост. М. Гершензон. Т. 2. М., 1916. С. 264–268; Письма С. А. Рачинского к Толстому, см. в изд.: Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник // Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.; Л., 1928. С. 239–241. Письма Толстого к Рачинскому вошли в его Полн. собр. сочинений.

⁵ *Рачинский С. А.* Церковная школа // Русское обозрение. 1895, июнь. С. 46.

⁶ *Смоленский С. В.* Памяти С. А. Рачинского // РДМ. Т. IV. С. 594.

Рачинского в основном либо «разошлись» по архивным фондам адресатов, либо оказались утраченными, чего, к счастью, не произошло с письмами, адресованными Степану Васильевичу.

История коллекции писем Рачинского к Смоленскому, однако, не столь проста. Через месяц после кончины (2 мая 1902 года) Сергея Александровича Смоленский, не менее аккуратный, чем его покойный друг, составил перечень посланий Рачинского по датам⁷. Сюда вошли 253 письма самого Рачинского и связанные с ними по тематике 5 писем его сотрудника Н. М. Горбова, 7 писем К. П. Победоносцева и единичные письма двоюродной сестры С. Н. Рачинской, академика А. Ф. Бычкова, управляющего Московской типографией и Синодальным училищем А. Н. Шишкова и галицко-русского священника И. Г. Наумовича. В конце списка Смоленский оставил замечание:

Судя по этому перечню, предполагаю, что, считая уцелевшие письма ко мне С[ергея] А[лександровича], приклеенные мною по разным книгам, до них относящимся <...> что все-таки от 15 до 20 писем, к сожалению, должны считаться ненайденными⁸.

2 марта 1904 года Смоленский препроводил письма для прочтения историку Валерию Николаевичу Лясковскому, близко знавшему семью Рачинских, и сделал запись в Дневнике:

Я передал В. Н. Лясковскому все письма ко мне С. А. Рачинского, предупредив его о передаче, в случае моей смерти, в Императорскую Публичную Библиотеку, куда сам С. А. передал свой «обоз к потомству»⁹.

Но в итоге письма все же попали в Москву, в Отдел рукописей Ленинской библиотеки (ныне РГБ), и история их странствования восстанавливается по короткой переписке Марии Сергеевны Волковой с Максимом Викторовичем Бражниковым, в то время (1938) уже крупным ученым, настойчиво продолжавшим исследовательские работы в области древнерусского церковного пения.

Мария Сергеевна была родной сестрой Софьи Сергеевны Волковой (1865–1932), многолетней корреспондентки, сотрудницы Смоленского и хранительницы, по его завещанию, рукописи Воспоминаний (переписку Волковой со Смоленским см.: РДМ. Т. VI. Кн. 2. С. 13–377). Пережившая свою сестру, Мария Сергеевна 5 июня 1938 года из Москвы отправила заказное письмо в Ленинград Бражникову, приложив найденную в архиве сестры пасхальную открытку от Смолен-

⁷ Перечень писем С. А. Рачинского и др. лиц к С. В. Смоленскому за 1884–1902 // ОР РГБ. Ф. 178. Т. VII, № 10795. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

⁸ Там же.

⁹ С. В. Смоленский. Дневник № 5 // РГИА. Ф. 1119. Оп. 1. № 9. Л. 84.

ского с вписанным его рукою напевом праздничного тропаря в двойной нотации (знаменной и нотно-линейной).

Только вчера напала на нее, — объясняла Мария Сергеевна появление открытки, — <...> пусть будет Вам на счастье открытка предшествовавшего Вам на этом пути Степана Васильевича¹⁰.

Завершалось письмо замечательным постскриптумом:

В бумагах сестры нашла такое красивое сравнение в сделанной ею выписке (откуда — не знаю), что захотелось сообщить ее Вам, если не показала при свидании. Вот она: «...Сам Григорий (Богослов) писал якобы до конца дней своих, занимаясь “мирной речью”: “Изнуряемый болезнью, находил я в стихах отраду, как престарелый лебедь, пересказывающий сам себе звуки Крельев”, — писал он на старости лет. Разве не удивительно образное сравнение»¹¹.

Из послания Волковой проясняются некоторые дополнительные обстоятельства, в частности письменное общение ее с Бражниковым предварялось их встречей в Москве, Мария Сергеевна показывала ленинградскому ученому архив сестры, многочисленные документы которого были совершенно не упорядочены. Бражников, очевидно, призвал Марию Сергеевну заняться срочно систематизацией архива. В следующем письме Марии Сергеевны, от 9 июля 1938 года, говорится о новых находках в документах Софьи Сергеевны:

Нашла в бумагах сестры С. Волковой два черновика писем к Смоленскому, все больше о крюках, и, мне кажется, всего естественнее переслать их Вам, на прочтение и уничтожение, почему и прилагаю их. Это целесообразнее, чем предоставление их Ленинской библиотеке, куда, наконец, отправляются на днях все остальные письма, Воспоминания (речь идет о машинописной копии рукописи. — *Сост.*) и т. д., благо из Румянцевского отдела мне сказано, что рады взять, что я им предлагаю¹².

Мария Сергеевна находилась в преклонном возрасте, ее мучили недуги, не позволявшие быстро справляться со сложными делами. В том же письме она жалуется: «Употребляю на сборы небольшие возвращающиеся силы после долгой болезни, проведенной в невообразимой жаре и асфальтовой духоте Москвы»¹³. В ответном письме, от 7 октября этого же года (не сохранилось), Бражников, видимо, предлагал, в случае неудачи с Ленинской библиотекой, свое посредниче-

¹⁰ Письмо М. С. Волковой к М. В. Бражникову от 5 июня 1938 // ОР РНБ. Ф. 1050 (М. В. Бражников). Оп. 1. №. 10. Л. 1–2.

¹¹ Там же.

¹² Письмо М. С. Волковой к М. В. Бражникову от 9 июля 1938 // ОР РНБ. Ф. 1050. Оп. 1. № 10. Л. 3.

¹³ Там же.

ство при обращении в Рукописный отдел Публичной библиотеки, на что Мария Сергеевна отвечала:

Очень Вам благодарна <...> но сестрин архив отдан мной Рукописному отделу здешней Ленинской (т. е. бывшей Румянцевской) библиотеки. Минувшим летом я спросила начальника Рукописного отдела, прислать ли мне свои материалы. Мне было сказано, чтобы я это сделала, и обещан скорый ответ. Обождав месяц, я осведомилась о судьбе материала, и мне было довольно конфузливо отвечено, что он их интересует. Однако я со вздохом облегчения оставила его в Музее [имеется в виду Рукописный отдел Ленинской библиотеки], он там не пропадет, и когда-нибудь кто-нибудь станет перелистывать *письма Смоленского и Рачинского*, главу Воспоминаний первого и выберет подлинные историко-бытовые черты, находящиеся в них¹⁴.

Далее Мария Сергеевна писала, что больна, и просила Бражникова навестить ее, когда будет в Москве, чтобы посоветоваться еще о «некоторых архивных материалах». В том же году Мария Сергеевна скончалась.

Таким образом, становится ясно, что письма Рачинского по смерти Степана Васильевича почти три десятилетия пребывали в частном собрании Софьи Сергеевны Волковой, которая, несомненно, интересовалась этой перепиской и могла получить ее для прочтения (подобно Лясковскому) еще при жизни Смоленского, то есть до июля 1909 года.

Кстати, подобно диалогу Рачинского с Розановым, его переписка со Смоленским вполне могла быть издана, например, в 1910-е годы, следом за уходом из жизни обоих корреспондентов. И такой проект действительно существовал у автора первого биографического очерка о Смоленском — Н. Ф. Финдейзена, редактора «Русской музыкальной газеты», в которой Смоленский регулярно публиковал свои музыкально-исторические очерки. Финдейзен безошибочно указал на непреходящую историко-культурную ценность этого эпистолярного памятника и его исключительную тематическую многогранность, сопоставив данную переписку с Воспоминаниями и Дневниками Смоленского¹⁵. Замысел не был осуществлен, хотя в архиве Финдейзена имеются копии некоторых писем Рачинского. Лишь в последние годы результатом интереса к этой переписке стало частичное издание писем Смоленского к Рачинскому в сборниках Российской национальной библиотеки¹⁶, где ныне эти письма и хранятся в фонде Смоленского (№ 178).

¹⁴ Письмо М. С. Волковой к М. В. Бражникову от 19 октября 1938 // ОР РНБ. Ф. 1050 (М. В. Бражников). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5.

¹⁵ См.: *Финдейзен Н. Ф.* К полугодовщине дня кончины Ст. Вас. Смоленского // Русская музыкальная газета. 1910. № 3. Стб. 65.

¹⁶ Письма Смоленского к Рачинскому за 1889–1890 годы публиковались в сб. «Российская национальная библиотека и Отечественная художественная культура» (Вып. 2. С. 200–225; Вып. 3. С. 145–178; Вып. 4. С. 187–210).

В письме к Смоленскому от 5 декабря 1898 Рачинский заметил:

В письмах Ваших, бережно мною хранимых, заключается еще многое интересное и важное, и все это увидит свет после нашей смерти.

Сергей Александрович не мог знать тогда, что Смоленский со временем напишет мемуары, в которых найдет отражение «многое интересное и важное» из круга тех тем, на которые они переписывались, что Смоленский напишет замечательные отдельные воспоминания о Татеве и о самом Рачинском. Ныне все это опубликовано¹⁷, и читатель может заметить, что в письмах Смоленского к Рачинскому (тоже уже печатавшихся, хотя в небольшой их части) повторяются определенные темы, представленные в мемуаристике. Однако, во-первых, далеко не все темы, а во-вторых, в ином контексте. Главное же, письма Смоленского публикуются в контрапункте с замечательными и очень мало публиковавшимися письмами Рачинского. Можно утверждать, что хотя по объему тексты Рачинского уступают подробным посланиям Смоленского, по смысловому своему весу они не только не уступают, но превышают письма его корреспондента, тоже большого мастера эпистолярного искусства.

Конечно, это связано с личностью Рачинского, с той высочайшей культурой мысли и чувства, которую он нес в себе, а также и с тем, что он, по удачному выражению В. В. Розанова, был прежде всего *философ*. Причем, как мудрецы древности, философ не по «письменному» учению, а по жизненному труду своему. Материалом, предметом его труда были люди — от малолетних учеников основанных им сельских школ до самых высокопоставленных лиц. Не только тщательно отвечая на все получаемые письма (и принимая множество посетителей), но и сохраняя бережно обращенные к нему послания, Рачинский сам признавал эту истину, это главное оправдание своей жизни. Кроме того, все тексты Рачинского — и в статьях и в письмах — неизменно, говоря опять-таки словами Розанова, «художественны», «одушевленны» и являют собой уже уходящий тогда в прошлое классический стиль русской литературы, полный «вкуса, изящества и глубины».

И все же самое главное, самое удивительное качество Рачинского, отмечаемое всеми его знакомыми и корреспондентами, — *необычайная острота интуиции*. Она имела, конечно, в основе превосходное, многостороннее образование, но к таковому никак не сводилась. Именно интуиция, некое сверхзнание, позволяло Рачинскому мгновенно проникать в суть любой из областей, о которых заходила речь, и высказывать не только точные суждения, но и далекоидущие, часто весьма оригинальные идеи и прогнозы. Кстати, ведь именно он раньше всех

¹⁷ С. В. Смоленскому принадлежит статья «Памяти С. А. Рачинского (из частного письма)», написанная по кончине татевского педагога и опубликованная в РМГ в 1902 (№ 30/31. Стб. 713–720). Кроме того, Рачинскому и Татеву Смоленский посвятил 7-ю главу своих Воспоминаний, писавшихся в период 1902–1903, но изданных впервые через сто лет — в 2002 в IV томе РДМ, куда вошло и переиздание статьи «Памяти Рачинского».

выразил мысль: потребность в стройном, осмысленном православном богослужении «должна вызывать в нашем музыкальном искусстве *новые направления*»¹⁸, дав таким образом имя вскоре возникнувшему Новому направлению в русском духовно-музыкальном творчестве.

Сейчас о Рачинском пишут достаточно много — преимущественно как о великом учителе, просветителе, создателе идеальной сельской школы. Это верно, конечно, но хотелось бы выделить именно *предвидческий дар* Сергея Александровича, запечатленный в его переписке со Смоленским, — в данном случае предвидения в области обсуждаемых ими судеб русского церковного пения¹⁹. «Прогностические» беседы Смоленского и Рачинского в письмах происходят особенно интенсивно в двух периодах: во-первых, в казанский период работы Смоленского над Азбукой Александра Мезенца, описанием Соловецкого собрания и проектом издания нового Круга крюковых песнопений; во-вторых, позже, в 1890-х, когда репертуар Синодального хора начинает пополняться новыми композициями, в том числе самого Смоленского, его сотрудников и учеников.

В переписке Смоленского с Рачинским обсуждается столько разнообразных и имеющих большое значение идей, что для лучшего понимания писем полезно, видимо, назвать эти идеи и разделить их условно на несколько категорий.

Одна категория — это идеи, соприкасающиеся с *проектами «круга»*, то есть некоего свода обучающих текстов и необходимейших песнопений. Вообще, говоря о разных «кругах», Рачинский все время держится известной (и не новой) мысли о единстве церковного пения по всей России.

Само его знакомство со Смоленским началось с казанского, так называемого цифирного круга («Курса хорового церковного пения»), который очень понравился Рачинскому, который Сергей Александрович немедленно применил к занятиям в своих сельских школах, а затем способствовал уже не литографированному, а наборному, типографскому изданию этого труда (который впоследствии выдержал несколько переизданий), причем Рачинский, как и Смоленский, вопреки пожеланиям К. П. Победоносцева и других влиятельных лиц, считал необходимым

¹⁸ Рачинский говорит о «новых направлениях» в связи с ситуацией вокруг Литургии св. Иоанна Златоуста, соч. 41 П. И. Чайковского, не разрешенной к употреблению при богослужении. Он полагает подобные запреты неправильными, ибо только творческим опытом может быть «определена та мера свободы в пользовании нашими древними напевами, в отступлении от них, которая совместима с истинно церковным характером нашего церковного пения» (см. перепечатку его статьи с комментариями: РДМ. Т. III. С. 357).

¹⁹ Многочисленны и «частные» предвидения в этих письмах. Например, Рачинский, который, собственно, и устроил назначение Смоленского в Придворную капеллу после Синодального училища, прямо говорит, что должны возникнуть у Степана Васильевича как помощника управляющего трудности с управляющим графом А. Д. Шереметевым: последний — сочинитель духовной музыки; «свойств этой музыки не ведаю, но во всяком случае, обстоятельство это опасно». Совершенно верно: именно композиторские амбиции Шереметева привели к ссоре его со Смоленским и уходу последнего из Капеллы.

сохранять при переизданиях цифровую нотацию, с чем был согласен по опыту Инородческой семинарии и Н. И. Ильминский.

Если идея «цифирного круга» исходила от Смоленского, то идея издания, публиковавшегося в приложениях к «Церковным ведомостям», то есть трех выпусков «Главнейших песнопений», исходила от Рачинского. Он писал 30 октября 1887-го:

Вдохнитесь: дайте нам простое и величественное переложение на 4 мужских голоса литургии и всенощной, избирая напевы наиболее живучие, в форме самой чистой, во всей России удобоприемлемой. Такта и знаний у Вас на это более, чем у кого-либо: Вы это доказали Вашим Курсом.

Над этим новым «кругом» Смоленский, начавший им заниматься еще в Казани, а завершавший в Москве, с большими промедлениями, будучи сильно занятым делами Синодального училища, — работал долго и не совсем все же завершил его (см. комментарии к письмам). Перед посылкой в «Церковные ведомости» Рачинский собственной рукой переписал все выпуски с оригиналов Смоленского, которые захотел оставить у себя, а после издания немедленно раздал его своим сельским регентам. Можно утверждать, что этот «круг» нуждается в переиздании, он будет полезен и сегодня, представляя собой выборку наиболее распространенных и в то же время качественных песнопений в простой, но безупречной по вкусу адаптации их Смоленским к данному составу.

Еще раз идея «круга» косвенно возникает в переписке в связи с задаваемым Смоленским вопросом о возможности «приспособления наших церковных напевов к тексту английскому» (несомненно, эта идея — плод усиленных дружеских контактов Смоленского с представителем англиканской церкви Уильямом Джоном (Иваном Васильевичем) Биркбеком — см. о нем в VI томе РДМ). И вот, на вопрос Смоленского следует такой ответ (25 апреля 1897):

Мысль Ваша о приспособлении наших церковных напевов к тексту английскому кажется мне весьма своевременною. Конечно, работа эта может быть произведена не иначе, как в Англии. Английский язык — язык тонический и требует соблюдения естественных ударений. Заняться, прежде всего, следует теми песнопениями, которые имеют наиболее шансов проникнуть в английскую богослужебную практику, а об этом можно судить только на месте. Полагаю, однако, что на первом плане тут будут стоять песнопения на тексты из псалмов, составляющих общее достояние христианского мира.

Придерживаться, конечно, нужно *напева придворного*, единственного завоевавшего себе повсеместное право гражданства и в России, несмотря на воздвигнутое на него гонение (представьте себе, что в петербургской нотной лавке, когда я спросил, где бы добыть переложения Львова, меня обругали так, как если бы я осведомился, где достать какую-либо революционную прокламацию). Полагаю, что это фактическое господство придворного напева зависит не от какого-либо его преимущества над напевами более древними, но от того, что напев этот нашел

себе истолкование в образцовой гармонизации Львова. Равносильного истолкования еще ждут прочие напевы.

Со временем полный круг православной службы и тексты песнопений были не один раз переведены на английский язык и «прижились» в англоязычных храмах (в основном в православных, но далеко не только в них). Интересно, что Рачинский, не испытывавший особых симпатий к придворному напеву, все же называет гармонизацию Львова «образцовой». Почему? Во-первых, вероятно, потому, что Львов первым создал универсальный российский «круг», получивший повсеместное распространение (и актуальный, можно сказать, до некоторой степени и по сей день). А во-вторых, наверное, потому, что и Рачинский, и Смоленский тоже, любили Алексея Федоровича Львова и высоко ставили некоторые его переложения и особенно сочинения.

Рачинский еще раз возвращается к этой мысли в связи с рецензией некоего «Старого учителя» (не расшифрованный до сих пор псевдоним) на концерт Синодального хора. 12 января 1898 Рачинский пишет:

Очень порадовало меня правдивое слово о деятельности Бахметева, [ставшего] одним из самых печальных явлений в истории русской церковной музыки. Не слишком резок отзыв о Львове? Труд его велик и почтенен и далеко не во всех своих частях заслуживает упрек в механичности. Это образцовый перевод нашего богослужебного круга на язык музыки западной, перевод, практическое значение коего еще далеко не исчерпано. Вспомним, что язык музыки русской только что начинает слагаться, что до сих пор владеют им, понимают его начатки лишь весьма немногие. Два века пленения настроили наш слух на лады западной гармонии, и перекроить его может только сонм композиторов гениальных, из коих один повторил бы громадный труд Львова в такой победительной красе, которая заставила бы всю Россию петь его переложения. До тех пор будут петь Львова, более или менее видоизмененного и искаженного, несмотря на давнее изъятие его из официального обращения. Запрещениями, предписаниями тут ничего не возмешь. Нужно творчество.

К идее «творчества» мы еще вернемся. А пока упомянем еще об одном «круге» — Круге крюковых песнопений, с выверенными невменными текстами и с таким богослужебным текстом, который мог бы исполняться в современной церковной службе (и применяться в обучении крюкам). Данной цели не столь давно напечатанный под редакцией о. Димитрия Разумовского, но составленный старообрядческим мастером «Круг древнего знаменного пения» не соответствовал — его не принимали даже старообрядцы иных, кроме белокрыницкого, «согласий». Смоленский и Рачинский предполагали, что новый крюковой круг будет и обучающим пособием, и неким эталоном, с которым смогут сверяться современные регенты. Основой крюкового текста Смоленский полагал считать рукописи из Соловецкого собрания; на вопрос же Смоленского о редакции словесного текста Рачинский (а также и Ильминский) отвечал однозначно (21 сентября 1888):